

*Н. И. Шутова***ОБРЯДЫ И ВЕРОВАНИЯ ШАРКАНСКИХ УДМУРТОВ
СОСНОВСКОЙ ОКРУГИ**

Статья посвящена характеристике традиционных обрядов и верований шарканских удмуртов Сосновской округи; основана на материалах, собранных автором в ходе этнографических экспедиций в 1993 и 2001 гг. в Шарканском районе Удмуртской Республики, на водоразделе бассейнов рек Чепцы и Камы. В работе приведена информация о демографических показателях, ареале расселения, диалектных терминах, используемых этой локальной удмуртской группой. Дано описание культовых мест, семейных и календарных обрядов по следующим селениям: сс. Ляльшур, Сосновка, дд. Тыловыл, Куреггурт, Суроново, Быги и др. Старинными общественными центрами округи являлись с. Ляльшур и д. Старый Шаркан (Лонлез Докья). В окрестностях этих селений располагалось крупное территориальное капище Ёозо. Здесь проводились традиционные общинные моления, на которых жертвовали жеребят и овец. Выявлено, что население этого ареала составляли преимущественно североудмуртские родовые группы Пурга, Вортча, Бёня и Кушъя. Прослежено проникновение в эти края и южноудмуртских родов Докья и Пудга.

Ключевые слова: шарканские удмурты, Сосновская округа, Шарканский район, обряд, верования, капище.

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-2-283-294

Сосновская округа занимает территорию на водоразделе бассейнов Чепцы и правых притоков Камы. Она включает условно четыре куста поселений: Ляльшурский по р. Шегьянке, левом притоке Вотки (с. Ляльшур, дд. Вортчино, Тыловыл, Арланово, Шляпино, другие поселения); Шарканский – по верховьям Шарканки (дд. Куреггурт, Галичево, Старый Шаркан, Вортчино, с. Шаркан), Сосновский – по верховьям р. Вотки (с. Сосновка, Суроново, Нырошур, Табанево и др.), Сюрсовойский – по верховьям р. Сюрсовойки, левого притока Иты (с. Сюрсовой, дд. Бисул-Кучес, Береть, Богданово, Бадярово и др.).

По данным списка населённых мест Вятской губернии 1905 г., поселения шарканских удмуртов Сосновской округи входили в состав Сосновской волости: с. Сосновка, дд. Бехтемир-Пурга (Старый Пашур), Бызиново, Нижне-Корякинская (Вукогурт), Суроновская (Урдогурт), поч. Бисул-Кучес (Кусогурт), Верх-Корякинская и др. Часть селений входила в состав Шарканской волости: сс. Шаркан, Сюрсовой (Вотский Сюрсовой), дд. Корчумвай, Ягинская, Быги, Шарканская, Шаркан-Корчумвайская, Бакино, Быговское (Быги), Вортчино (Корчум-Вай), Галичево, Ляльшур, Нижний Казес (Шагьян), Шаркан (Тыловыл), Шаркан-Корчумвай (Куреггурт), Кесшур, Красный Ключ (Шляпино), Малый Казес (Вортчино), Николаевский (Бадярово) и др. [АТДВГ 2012, 215–216, 218].

Поначалу рассматриваемые селения Сосновской округи относились к Чутырскому (открыт в 1752 г.) и Шарканскому (открыт в 1837 г.) приходам [Православные храмы 2000, 291, 293]. В 1851 г. открыт православный приход в деревне Сосновка. В его состав вошли с. Сосновское, дд. Кайсегурт, Суроновская, Верх-Корякинская, Низ-Корякинская, Мувырская, Вишурская, Выжой-Вожья, Норошурская [Нырошур], Табаневская, Бызиновская, Пашурская, починки Бисул-Кучес, Шегьян-Тылой, Верхние Урсы, Мукшинский, Кушто-Ключинский [Православные храмы 2000, 250–252]. Приход к 1912 г. состоял из 39 селений, прихожан – крещ. удмуртов (5689 муж., 5601 жен.), правосл. русских (652 муж., 648 жен.) [Вятская епархия 1912, 478–479].

В д. Ляльшур Шарканского прихода первоначально стояла часовня, сгоревшая в 1882 г. В 1900 г. здесь был устроен молитвенный дом, освященный в честь св. Николая Чудотворца. В 1915 г. открыт самостоятельный приход, в состав которого входили с. Ляльшур, дд. Красный Ключ, Арланово, Курчумвайская (Вортчино), починки Кесшур, Николаевский (Бадярово). В 1915 г. построена деревянная церковь и освящена во имя св. Николая [Православные храмы 2000, 173].

Приход села Сюрсовой открыт в 1887 г. В его состав вошли селения: с. Сюрсовой, дд. Гурзевай, Вукошур, Луовыр, Сильшур, Сенина Поляна, Исько, Русский Сюрсовой, Альчи-Сюрсовой, починки Богдановский, Деньшур. Построена деревянная церковь и освящена в 1894 г. во имя нерукотворного Образа Христа Спасителя. В 1919 г. построена каменная церковь [Православные храмы 2000, 261].

Приход к 1912 г. состоял из 14 селений, прихожан – крещ. удмуртов (479 муж., 513 жен.), правосл. русских (948 муж., 991 жен.) [Вятская епархия 1912, 479–480].

Статья посвящена характеристике традиционных обрядов и верований шарканских удмуртов Сосновской округи по материалам, собранным автором в ходе этнографических экспедиций в 1993 и 2001 гг. в Шарканском районе Удмуртской Республики [Шутова 1993, 2001].

Деревни и их жители

Первоначальное название д. Ляльшур – Бектемир-Пурга (Бектюмир /Биктемир Порга) – в составе сотни Прони Янмурзина впервые упомянуто в материалах подворной переписи 1710–1711 гг. Удмурты проживали здесь в 30 дворах [Пислегин, Чураков 2020, 86]. По преданиям, первое место поселения (бывш. д. Гучин) располагалось в логу около речки, в трех километрах от совр. с. Ляльшур в сторону с. Сосновки (Куклина Евгения Михайловна, 1937 г. р.). В конце XIX в. д. Ляльшур располагалась у ключа Ляльшур, притока р. Шегьян. Население состояло из православных удмуртов. Время основания починка крестьяне относили к 1804 г. [по Н. В. Пислегину и В. С. Чуракову, поч. Ляльшур в 10 дворов упоминается в 1802 г.]. Жители деревни переселились сюда из д. Биктемир-Пурга (или Старая Пупья), находившейся в двух верстах от нынешней деревни (в 1772 г. деревня эта еще существовала). Причиной переселения был недостаток воды: «Бабы, сойдясь у ручья, из-за воды дрались коромыслами» [Материалы по статистике 1892, VII, 290–297, прил. 153]. По преданиям, родоначальник ляльшурских удмуртов богатырь Бектемир поселился на месте Вужпышты [*вуж* ‘старый’, *пышты* ‘водоем для вымачивания конопли’] в 1,5 верстах от поч. Ляльшур. Мимо по холмам и возвышенностям пролегла Арская дорога из г. Казани на г. Ирбит через с. Сиву [Верещагин 1995, 108].

Деревня Лонлез (Лонлес) Докья (Шаркан) тоже впервые упоминается в материалах подворной переписи 1710–1711 гг. в пределах Казанского уезда Арской дороги в составе сотни Прони Янмурзина. В ней числился 21 двор, где проживали некрещенные удмурты [Пислегин, Чураков 2020, 85–86]. Название села Шаркан могло быть связано с именем основателя поселения Шаркан, восходящего к антропониму Шарукан. По Карлу Менгесу, этимология имени Шарукан восходит «к венгерскому *sarkan* или его древневенгерской форме, имеющей значение “дракон”». Интересно, что у кимаков существовала целая династия Шаруканидов [Ушницкий 2009, 31]. В шарканской округе существовали предания о проживании в этих местах «султана Шарукана».

Деревня Куреггурт (или Шаркан-Корчумвайская) при ключе Корчумвае была основана крестьянами, которые переселились сюда в 1860 г. из исчезнувшей д. Старый Шаркан [Материалы по статистике 1892, VII, 290–297, прил. 158; Куреггурт]. Починок Тыловыл (затем д. Тыловыл или Шарканская) при ключе Корчумвае основан в 1848 г. До этого времени его жители обитали в 0,5 верстах от этого места, а туда переселились из д. Сюрсовая бывшей Якшур-Бодьинской волости [Материалы по статистике 1892, VII, 290–297, прил. 160].

По данным исторических источников, в конце XIX в. с. Шаркан – административный центр Шарканской вол. – находилось при р. Шарканке. Население состояло из православных русских и удмуртов. Они переселились сюда в 1840-х гг. из д. Старый Шаркан. На старом месте, находившемся в двух верстах от современного села около возвышения Зезо, имеется старинное языческое кладбище [Материалы по статистике 1892, VII, 282–289, прил. 158–159].

Село Сосновка (Ббня, Сосновское) лежит на р. Вотке. Жители – русские (9 дворов) и удмурты (4 двора), бывш. государственные крестьяне православного вероисповедания. По словам местного священника, жители села в 1810 г. переселились на 1,5 версты от старого места жительства на р. Чечекшур. В 1,5 верстах от села имелось старинное кладбище и два селища: одно в 0,5, а другое в 1,5 верстах от села. По материалам подворной описи 1884–1893 гг., в селе удмурты проживали в 69 дворах (557 чел.), русские – в 4 дворах (23 чел.) [Материалы по статистике 1892, VII, 226–233, прил. 125].

Деревня Биги (Быги) впервые фигурирует в данных IV ревизии 1782 г. в составе Суруновского десятка Глазовского уезда. В ней проживало более 200 крещеных удмуртов. В 1811 г. в составе Шарканской волости Сарапульского уезда числились уже две деревни: Быги (131 муж.) и Быгинская (104 муж.) [Пислегин, Чураков 2020, 243, 401]. Ныне в этой местности существуют дд. Старые Быги и Нижние Быги. По преданиям, родоначальником местных удмуртов являлся богатырь Ожмег, который поселился в верховьях р. Вотки. А пришел он в эти края с юга, из-за р. Камы [Верещагин 1995, 107–108].

Исчезнувшая д. Тубоншур (Вотский Кутоншур) относилась к бывш. Сосновской волости Сарапульского уезда Вятской губернии. Поч. Вотский (Кутаншур, Тубоншур) (*тубон* ‘вверх’, *шур* ‘речка’)

располагался на р. Тубоншур. Жители – православные удмурты, государственные крестьяне, выселившиеся в 1872 г. из д. Верхнее Корякино (Шабалы). Население пользовалось водяной мукомольной мельницей совместно с жителями дд. Кулак-Кучес, Верхнее и Нижнее Корякино [Материалы по статистике 1892, VII, 226–233, прил. 122].

Основу населения этого края составляли представители родовой группы северных удмуртов Пурга (сс. Шаркан, Ляльшур, дд. Нырошур, Мувыр, Шляпино, Бадьярово, Кулак-Кучес, Суроново, Верхнее Корякино, Бутолино, Бередь, Сюрсовой, Богданово, Тыловыл и др.) [Атаманов 2001, 90–92], Бёня (с. Сосновка, дд. Нырошур, Дэмен, Бызино, Табанево /Едыгрон, Мувыр и др.), Вортча (с. Сосновка, дд. Нырошур, Вортчино, Кесшур, Верхнее Ягино и др.), Кушъя (дд. Тубоншур, Бакино, Бадьярвыр и др.), Чола (Быги, Бызино, Мувыр, Бакино, Карсашур и др.) [Атаманов 2001, 39; 41–42; 70–71; 117–119]. Встречаются здесь и южноудмуртские группы: Дёкъя (с. Шаркан, дд. Тыловыл, Титово, Порозово и др.) и Пудга [Атаманов 2001, 43–44; 89–90].

Священные и культурные объекты. Моления

Деревня (позднее – село) **Ляльшур**. По сведениям конца XIX в., в окрестностях селения имелись старинные кладбища: первое – Пургашай, в версте от селения, на южном склоне горы Пургабам, влево от дороги в д. Бадьярово; второе – выше [?] Армянова, в податном участке д. Ляльшур. Оба кладбища были распаханы. По Арской дороге из с. Сосновка в с. Шаркан находили топор, саблю, бронзовое копье. На Пургашае находили медные котлы, замок с колесцом и серебряную монету с арабскими надписями, русские монеты с надписью: «Великий Князь Иванъ Всея Руси» [Материалы по статистике 1892, VII, 153]. Кладбище Пургашай датировано XVI–XVII вв., Вужшай – XVIII в. [Шутова 1992, 246].

В конце XIX в. в окрестностях села функционировали две Великие (*Будзым*) куа: одна в верховьях р. Кесшурки в направлении д. Шляпино, а другая – ниже по течению от села на р. Ляльшурке в направлении с. Шаркан. Имелись две священные рощи Луд: Вылын-луд располагался в верховьях р. Ляльшурки по дороге на д. Кесшур, Луд-кенер – на р. Кортпыд (железная нога). Отмечено три места для молений Бусы вось соответственно трехпольному севообороту (озимое, яровое, пар) [Верещагин 1998, 24–29].

В прежние времена каждая семья имела сакральное строение куа. Были общедеревенские постройки куа. «В [деревенскую] куа молиться ходил дед. Там ели утку, кости домой не носили, там оставляли. Там обращались, бывало (*сюр ворисько вал*), к [божествам] *Инмару, Кылдысину, Воршуду*. Молились в куа с ветками хвойных деревьев» (Хренова Парасковья Алексеевна, 1911 г. р.).

Проводились и другие общественные моления. «Выше куа среди леса была поляна *Чуньы сион инты* ('место, где поедали жеребёнка'), на которой жертвовали жеребёнка, чтобы все хорошо удавалось /урождалось» (Хренова Парасковья Алексеевна, 1911 г. р.). В окрестностях деревни имелся лес *Бж вёсян сик* ('лес, где жертвовали овцу'), там приносили в жертву овцу. Это место располагалось около леса *Мунё ватон* ('лес, где хоронили куклу') (Старцев Кирилл Васильевич, 1926 г. р.; Куклина Евгения Михайловна, 1937 г. р.).

На общественном капище Вылын-луд ('верхний Луд, т. е. верхняя священная роща') ежегодно приносили в жертву домашнюю скотину и совершали общественную трапезу. На моления съезжалось много народу из [дд.] Пашура, Вортчей, Кёсшура и других. Старики идут, *шыд-лым* ('суп-бульон') отвеживали. Молодежь ходила, бывало, повеселиться /расслабиться (*капчиятскыны ветло вал*)» (Хренова Парасковья Алексеевна, 1911 г. р.). «Есть место Вылын-луд. Там, говорят, кладбище [Ляльшурский могильник Пургашай] было. Ходили /приезжали те, кто из нашей деревни ушел /уехал» (Старцев Кирилл Васильевич, 1926 г. р.).

В селе отмечали весенний праздник первой проталинки Гуждор. Девушки варили вино, брали под руки уважаемого старика и гостевали по деревне, угощали вином деревенских. Возле поля, на котором засеяны зерновые, проводили специальное моление Бусы вось. Еще в поле выносили икону на посевы овса (*сэзыы*) (Хренова Парасковья Алексеевна, 1911 г. р.).

Деревня Тыловыл (*тыло* 'участок, расчищенный от леса путем выжигания, подсека в лесу'; *выл* 'сторона, местность') /Шарканская. В деревне были семейные сакральные строения куа. «У мужа в Тыловыле была семейная куа. Старики там молились, лицо и бороду оглаживали: "*Осто, осто*", говорили. Наш дедушка хоть и крещеный, но прежних обычаев не забывал, тоже молился по-удмуртски. Он и в лес на моления [*Нюлэсмурту*] ходил» (Вахрушева Клавдия Даниловна, 1912–1914 г.

р.). «У нас семейный *воршуд* [сакральный короб] был во дворе. Маленькая коробка из бересты была в *куа*, называли ее *лянес*. Там хранили холодное молоко (*чаши-чаши кезьыт*). В *куа* стоял стол, украшенный узорами, как на наличниках. Пола, потолка не было. Наш отец там молился. Дед ходил молиться далеко в лес [*Нюлэсмурту*], про это не знаю хорошо» (Вахрушева Надежда Федосимовна, 1913 г. р.). Семейная *куа* располагалась во дворе, в ней был ледник (Коклина Александра Матвеевна, 1916 г. р.).

Имелась общедеревенская Великая *куа*. Холмообразное возвышение, где стояла *куа*, называли *Куавыр* (*выр* 'возвышение'). «Меня отец водил с собой в [лес] *Куасик* есть жеребенка. Постройка там стояла, но внутрь [постройки] я не заходил» (Никитин Павел Иванович, 1929 г. р.). «*Куа* была, не ходила туда. Несли *чужмилыым* [яичные блины], утку. Один мужик ходил, а с ним шли девушки молодые. Там много берез росло. Березовая роща /перелесок (*кычпу сурд* < *кызьпу сурд*). В *куа воршуд* был, четырехугольный короб (*ныльсэрго куды*) из бересты с телевизор размером. Его держали в священном углу (*мыдор сэрег*). Нельзя его трогать, он прикрыт специальным покрывалом (*шобрет*). В *куа* без штанов нельзя было ходить» (Вахрушева Надежда Федосимовна, 1913 г. р.).

Около д. Тыловыл располагалось место ежегодного общественного моления *Зозо*. По свидетельству старожилов, там собиралось много народу из окрестных селений: с. Шаркан, дд. Вукотло, Шегьян, Быги, Галичево, Куреггурт, Чочам и других ныне исчезнувших населенных пунктов. На том святилище посреди леса на поляне под большой толстой елью каждый год резали жеребенка. Информант П. И. Никитин (1929 г. р.) рассказывал, что, когда он был ребенком, на этих молениях ели мясной суп и кашу. Позднее здесь уже ничего не варили, а приходили с готовыми угощениями, молодежь веселилась, играла [ПМА 1993].

Вот как об этом капище отзывались местные жители: «*Зозо* – так называли поляну посреди леса. Туда ходила молодежь молиться, играть. С собой брали еду, там специально ничего не варили. Приходили туда из [дд.] Чочам, Галичево, Куреггурт и других деревень, они уже не сохранились. Мне было 6–7 лет, когда я туда ходил. На [месте] *Зозо* суп варили с мясом, кашу под деревом. Это было на возвышении у реки Шарканки. Там ели-пили, пели песни. Собирались мужчины, женщины и дети» (Никитин Павел Иванович, 1929 г. р.). «Общее моление *Зозо* было. Резали жеребенка. Каждый год летом проводили моление. Приезжали из [с.] Шаркана, [д.] Шегьяна и других деревень. Не знаю точно, молились *Нюлэсбубе* что ли. На поляне среди леса. Мне было около 8 лет» (Вахрушева Надежда Федосимовна, 1913 г. р.). «В [д.] Тыловыле был лес *Зозо*, там проводили моления. Ходили и женщины, и мужчины. Овцу или барана резали, пели. Там был родник. Под елью варили суп (*шыд*). Это возле большого тракта. Там молились по-удмуртски, без попа. Проводили праздник *Гуждор*» (Коклина Александра Матвеевна, 1916 г. р.). «На месте *Зозо* молили скот (*пудо*). Туда много народу собиралось. Я не ходила сама, только слыхала. Там и лес называется *Зозо* (*Зозо сик*), это в сторону [с.] Шаркана, по дороге на [с.] Шаркан, на возвышении. Там и речку называют *Зозо*. Говорят, что молились и с иконами на этом месте. Рядом, справа от этой старой дороги, стояла д. Галичево (удм. *Галеч*), а по другую сторону была д. Яино (удм. *Яин*). На ее месте остались тополя» (Петрова Галина Васильевна, 1918 г. р.).

Святилище осмотрено в 1993 г. в сопровождении П. И. Никитина. Оно располагалось на большой поляне возле старой заброшенной дороги, ведущей из с. Якшур-Бодья в с. Шаркан (через д. Тыловыл). Дорога была проложена по лесу в направлении запад – восток. По этой дороге сосновские, мувырские, тыловылские жители ходили в с. Шаркан. По свидетельству П. И. Никитина, эта поляна поросла лесом, а прежде она была большой по площади. Вокруг стоял густой хвойный лес, однако все толстые ели были вырублены. После вырубki леса стали расти березы и ивы, а в 1993 г. росли преимущественно сосны. В центре поляны стояла толстая ель, от нее остался только пенек. На участке возле капища дорога проходила по линии ССЗ-ЮЮВ. По обе стороны от этого места располагались глубокие овраги, а впереди по дороге, приблизительно через 50 м, начинается понижение вроде перешейка. Это место служит водоразделом: с правой западной стороны возвышения вытекает родник, образующий речушку *Зозо* около бывшей д. Яино; с левой восточной стороны стояла д. Галичево и берет начало р. Шарканка, сохранился ее исток в виде родника.

Сведения о молениях, совершаемых в трех (по другой версии – в двух) верстах от современно-го с. Шаркан на горе *Зозо*, приведены в исторических источниках конца XIX в. [Материалы по статистике 1892, VII, 282–289]. По свидетельству Г. Е. Верещагина, наименование *Зозо* ('сверчковатое место') происходит от слова *зоз* ('сверчок'). Возникновение капища связано с экстраординарным событием. Однажды после Петрова дня на деревенских полях появилось несметное количество сверчков и кузнечиков, которые стали пожирать зерновые посевы. Местные жители собрались на самой высокой

горе и провели жертвоприношение. На следующий день пошел снег, и все насекомые погибли [Верещагин 1886, 93–94].

Для обеспечения хорошего урожая регулярно проводились полевые моления. «Бусы вось – общее моление. До войны [Великой Отечественной] сюда приходили из [дд.] Атаса, Куреггурта, Вортчино. После войны молились только со своими, деревенскими» (Вахрушева Клавдия Даниловна, 1912–1914 г. р.). «Проводили Бусы вось, резали овцу, когда непогода, гремит гром, сверкает молния, другое что (*шукыръяське ке, гудыръя, чилекъя ке, но мукет*)» (Вахрушева Надежда Федосимовна, 1913 г. р.).

Была специальная ель для молений – Восьяскон кыз, сейчас она уже свалилась. Полотенца туда навешивали, взрослые там молились, пели (Никитин Павел Иванович, 1929 г. р.). «Моления были под елью Восьяскон кыз. Когда на войну ушли мужчины-солдаты в серых шинелях, резали [жертвовали] серых овец [под этой елью]. Затем ношеную рубаху [ушедшего на фронт человека] три раза обводили по солнцу вокруг печи, клали на заслонку/ около заслонки (*муры пельпум*). Там и держали все время до окончания войны. Вернулись те, которым так делали. Большая печь – святое место. А я не нашла овцу чистого серого цвета (*чылкыт пурысь гонэн*), поэтому мой муж “чистым” не вернулся, раненым/ калеккой (*сосьырмыны шедиз*)» (Вахрушева Клавдия Даниловна, 1912–1914 г. р.).

Праздник первой проталинки Гуждор. «Гуждор, моя старшая сестра ходила, специальная песня была для этого обряда. Две красивые девушки вели под руки старика [по деревне], а тот поет [песня без слов]: “Ой, дунй, дои...”» (Вахрушева Надежда Федосимовна, 1913 г. р.).

Перед посевной проводили православный молебен: «Перед посевом зерновых приглашали *бачко* [батюшку]. На перекрестке ставили стол, ставили еловые ветви, на них икону. *Бачко* молился, на нас водой брызгал, святил нас. Затем девушки вели *бачко* с иконой в церковь» (Вахрушева Надежда Федосимовна, 1913 г. р.).

Село Шаркан. Из рассказа И. Е. Веселых: «В Шаркане очень много родников, недаром основателями села были выбраны эти места. 22 родника брали начало у подножия горы, что ниже ул. Советской (ранее Сосновской). Наиболее знамениты из них два. Первый – Святой ключ расположен на территории нынешней школы-интерната. Другое название ключа – “Золотой”. Вероятно, так называли родник во времена существования женского монастыря, открытого на землях Родыгиных (хозяев местного чугунолитейного завода). Второй ключ – Керемет ошмес находится примерно в полутора километрах к юго-западу от села Шаркан. С этого места берет начало речка Кереметка (Кереметшурка), ныне впадающая в Кереметский пруд, известный как Маслозаводский. Этот пруд питают воды двух рек – Безымянной и Кереметки. До пруда речку называют Кереметкой, а ближе к центру села – Чаг-Чумкой» [Пислегина 2010, 73–74].

Деревня Куреггурт (*курег* ‘курица’, *гурт* ‘деревня’) /Шаркан-Корчумвайская). Поначалу деревня располагалась на другом месте: «В километре от [д.] Куреггурта в поле стояла деревня Вужгурт. Там был родник в логу Сирпунюк [лог, поросший вязами]. На том месте проводили полевые моления Бусы вось. Недавно была засуха, так мы тоже нынче [1993] сходили. По возвращении промокли насквозь. Так что наше моление с пользой было (*пайдаё луиз ветлэммы*)» (Коклин Вячеслав Клементьевич, 1927 г. р.).

«В Куреггурте еще после войны [Великой Отечественной] проводили Бусы вось у горы Сюйкукчам (*сюй* ‘глина, земля’, *кукчам* > *кукчаны* ‘клевать, обрабатывать’, т. е. брать) возле истока родника (*ошмес йыраз*). Последний раз проводили этот обряд около 15 лет назад [в конце 1970-х]. Собирались, брали с собой еду, напитки (*сион-юон*), резали курицу. С иконой ходили. После этого обильный дождь пошел (*собере куазь но жалъ-жалъ зориз*). С пользой прошло моление. На том месте старики прежде молились» (Логонова Алевтина Степановна, 1940 г. р.). «На месте Сюйкукчам у родника проводили [полевое моление] Бусы вось. Там не разрешали ничего трогать, оттуда даже сучок брать не позволяли. Место то называли Восьяскон сик (‘лес для молений’). Его [лес] содержали в порядке, а сейчас там все заброшено. Я сама не ходила на моления, но слышала, что там прежде резали жеребенка, барана, а позднее несли куриц» (Столбова Галина Николаевна, 1932 г. р.).

Посередине деревни росли четыре тополя, там была выстроена часовня с иконами. Место было огорожено (Коклин Вячеслав Клементьевич, 1927 г. р.). «Четыре тополя было в Куреггурте, под ними тоже молились. Те тополя уже погибли. Стояла тут часовня с иконами, с колокольчиками» (Стрелков Иван Кириллович, 1928 г. р.).

Иногда при рубке леса под пилу попадали металлические вещи – монеты, гвозди. Говорили тогда: «Наверное, для чего-то было вбито (*Маке шуккемын, дыр, вал*)» (Коклин Вячеслав Клементьевич, 1927 г. р.).

Деревня Кесшур (*кӧс* ‘сухой, пересохший’, *шур* ‘река’). «Святой Филипп жил около д. Кесшур в землянке. Отверстие в землянку было, чтоб человеку только пролезть. Говорят, он все знал. Мой отец туда ходил, он ему посоветовал заняться пчеловодством: “Займись пчелами, у тебя пчелы хорошо будут водиться (*Муш усъкыты, тынад ки берад туж мушъёс улозы*)”. С тех пор мы все с пчелами живем. Там, где жил святой, были камни, а на ели – икона, якобы. Когда уходили в солдаты, брали с собой те кусочки камней. Еще год-два тому назад [1991–1992] туда ходили на моления. Филипп умер, по болезни что ли, не знаю, он контуженный был еще в гражданскую» (Никитина Елизавета Денисовна, 1931 г. р.). «Слышала еще про святого Филиппа, русского, который жил у речки около д. Кэсшур» (Вахрушева Клавдия Даниловна, 1912–1914 г. р.).

Про святого Филиппушку имеются и письменные свидетельства. В местном районном архиве сохранились документы (№ 192) о том, что в Шарканском крае имелся свой святой по имени Филиппушка. Это был житель д. Кесшур Филипп Алексеевич Братухин. Он был участником Первой мировой войны, побывал в австрийском плену. После войны к семье не вернулся, вырыл в лесу неподалеку от родной деревни землянку и прожил в ней шесть лет. Он объяснял это тем, что, когда был в плену, будучи в тяжелом бреду, услышал свыше голос, повелевший ему поступить таким образом. Позже Филипп жил в маленькой деревянной избушке. К нему приходили люди за советами, он лечил, раздавал крестики. Народ называл его святым. За эту свою деятельность он получил приговор по 58 статье (враг народа). О дальнейшей судьбе Ф. А. Братухина сведений не сохранилось [Пислегина 2010, 73].

Деревня Вортчино (родовое имя Вортча) /Корчумвай (*Корчум* имя, *вай* ‘ветвь, ответвление’). «В [д.] Вортчино была *куа*. Куанюк [лог, возле которого располагалась *куа*] сейчас называют то место. Внутрь не заходила. Туда старики ходили, не все уже. Я не ходила. Как-то после моления заметили: много воронья слеталось на [поляну] Гуждор. На то место, где молились. Никогда такого не было. Это перед войной [Великой Отечественной] было» (Широбокова Домна Митрофановна, 1908 г. р.). «В Вортчино, слышала, была *куа*, но видеть не видела» (Логинова Алевтина Степановна, 1940 г. р.).

Село Сосновка (Бӧня, Сосновая на р. Вотке). У некоторых домохозяев имелись семейные *куа*. «У нас была своя *куа*. Там готовили еду, но не ели. Заходить не особенно разрешалось в *куа*» (Бусыгина Зинаида Александровна, 1914 г. р.). В селе было несколько мест для общественных молений. «В поле всей деревней проводили [полевое моление] Бусы вӧсь – резали либо жеребенка, либо овцу. Просили всего хорошего и говорили: “Чтобы нам с пустым пестерем прийти и вернуться с полным (*Тырттэм пэсьтэрэн мынса, тыро пэсьтэрэн бэртмыон мед луоз*)”. Праздник [первой проталинки] Гуждор устраивали молодые женщины, это был их праздник. Попы тоже ходили на моления в поле. Во время праздника [завершения посевной] Гырон быдтон, посвященного завершению посевной, засеянное поле обрызгивали святой водой [освящали посевы]. Кровавые жертвоприношения устраивали, если случалось какое несчастье с близкими или домашней скотиной. Для этого совершали какое-либо жертвоприношение в лесу. Если жертвовали овцу, то домой ничего уже ничего не приносили: ни мясо, ни кости, ни кровь, – все оставляли там» (Бусыгина Зинаида Александровна, 1914 г. р.).

«Около [с.] Сосновки было место Куагырк [углубление, в котором стояла постройка *куа*]. Там мочили лен, коноплю, построек вокруг не было [не сохранилось]; варили вино. Полагали, что в тех местах обитал *Нюлэснюня* [лесной брат/ дядя]. *Гырк* – это наподобие пиалы из дерева, в которой толкли что-либо или масло сбивали пестом. А если на местности – *гырк* означает глубокое место /углубление, откуда берет начало родник» (Исаев Михаил Григорьевич, 1932 г. р.).

«В [с.] Сосновке и в [д.] Суруново на моления брали булочку, яичный блин (*йужмилыым*) клали на ветви хвойного дерева. [Лесного] *Нюлэсмурта* просили о хорошей погоде, чтобы не было ливней, пожара, урагана (*лек зор медам луы, пожар, сйльтӧл*), о хорошем приплоде у скота. *Инмара* просили, чтоб урожай был хороший» (Бусыгина Зинаида Александровна, 1914 г. р.).

Деревня Быги (Старые Быги), по словам местных стариков, самая старинная. Об этом рассказал один жрец: «Раньше здесь не было ни одного селения и ни одной живой души, кругом был непроходимый лес. Но много лет тому назад два вотяка пришли сюда и основали дер. Быги. Пришли они из-за [р.] Камы. Был у них с собой топор. Этим топором они сделали липовый плот и переплыли через Каму. Топор этот сделался для них священным, т. к. дал возможность переплыть [р.] Каму. И они решили хранить его в чуме как святыню. Постепенно деревня росла, и от нее отделились другие соседние деревни. В 1920 г. здесь имелось 148 удмуртских и 4 русских двора» [Семакин 1928, 49].

В двух километрах от деревни, в полкилометре от дороги на д. Малый Казес (Вортчинский тож; в 1920 г. имелось 69 удмуртских и 3 русских двора) на опушке леса стояла Великая (*Быдӧзым*) *куа*, где и

хранился этот знаменитый топор. Однако старик-жрец не позволил заходить в неё, так как просто так ходить туда не следует, ибо неведомая сила может поразить человека, как громом. Необходимо предварительно принести дары: пару белых гусей или гуся с уткой, или пару уток [Семакин 1928, 48–50].

Деревня Суроново (Урдогурт). В деревне имелись семейные *куа*, общедеревенская *куа*, специальное место моления Урдоуд для проведения полевых молений. «В [д.] Суроново семейная *куа* была у нас во дворе. Там готовили еду, ели. Общественная *куа* была. Тот лог называют Куагоп [ложбина, возле которой располагалась *куа*]. Внутрь не заходила, даже мимо ходить мы боялись, в страхе проходили мимо, бывало (*кõшкемаса кошкиськом вал*). Туда ходил молиться дед (*дядеэлэн дядэез*). Куагоп внизу, а вверху, если подняться, – местечко [для моления] Урдоуд. Там проводили [полевые моления] Бусы вöсь. При молениях отдельно упоминали [хозяина леса] *Нюлэсмурта*. Снизу там поднимались и в трех местах, под тремя елями молились: в одном месте жертвовали овцу, в другом – гуся, в третьем – жеребенка. Немного хлеба клали на каждую ель, на веточку ели, на него – яичный блин из целого яйца (*чужмилыым быдэс курекпузлэсь*). После моления [с блинами] жрец сам делал *сябась* [поднимал тост за здоровье], затем другим людям давал. Также, немного испробовав, и *кумышку* всем давал попробовать. Это было удмуртское моление без попа. Обычно, как проведут моление – так сразу дождь идет. Помню, одеваешься красиво, так весь промокнешь, с моления возвращаешься по всхолмлению Асьтэмвыр ('ленивый холм')» (Быстрова Анна Константиновна, 1918 г. р.).

Отмечали еще праздник первой проталинки Гуждор. «Гуждор проводили на горе. Дома сварят *кумышку*, ею угощают стариков, переходя из дома в дом. А взамен тем, кто ходит, давали деньги» (Быстрова Анна Константиновна, 1918 г. р.).

В деревне Вукогурт (Нижнее Корякино, Шабала) устраивали праздник первой проталинки Гуждор. Ходили для этого по домам, собирали крупу (Никитина Антонина Александровна, 1922 г. р.).

Деревня Быстров. В бывшей д. Быстров Суроновского сельсовета проводили полевые моления Бусы вöсь. На окраине стояла часовня с крышей, с иконами и колокольчиками (Захваткина Татьяна Васильевна, 1919 г. р.).

Село Сюрсовой. Около села имеется почитаемый родник. «Ходила на родник около Сюрсовая. Туда ходили со всех окрестностей, из [дд.] Сеняшура, Такагурта и других деревень. Там были большие моления. В родник бросали монеты посеребрённые 10, 20, 50 коп., 1 руб. Туда ходили как в церковь – и старики, и молодые. Старики молились. Татары приезжали туда торговать. Много народа было. Родник – в срубе из трех рядов. Стояла там ель. Бывало, молились под большой толстой елью. Вершина расщеплена /разломана (*сэртчэг*) [т. е. ель с аномальной вершиной]. Сейчас она уже упала» (Загребина Васса Григорьевна, 1907 г. р.).

Деревня Бисул-Кучос (удм. *Кусогурт*). Место общественных полевых молений Бусы вöсь располагалось около деревни в поле, называли это место Сётавöсь. Там резали овцу, кости куда-то отдельно складывали (Анисимова Анастасия Ивановна 1927 г. р.). «Бусы вöсь устраивали, но наша семья не ходила. На [празднике первой проталинки] Гуждоре мне приходилось бывать» (Широбокова Домна Митрофановна, 1908 г. р.).

Второе место общедеревенских молений связано с сакральной постройкой *куа* (Меньшикова Валентина Никитична, 1926 г. р.). «Около родника резали теленка или овцу, варили [мясо], кости там же оставляли. Туда ходили только старики. Тот родник был в глубоком логу, называли его Куагоп [*гоп* 'ложбинка'] или Куанюк [*нюк* 'овраг']. В 1943 г. мама [там] давала обет (*сйзиськем*) [и принесла что-то в жертву], чтобы отец вернулся. В том месте молились, там «чудится», кое-кого [привидения] там видеть приходилось (*портмаськемзэ но адзылэм отын вань*)» (Анисимова Анастасия Ивановна, 1927 г. р.). «В Кусогурте была *куа*. Там был очаг, суп варили. Развешивали полотенца и другое что. Там был родник Куаошмес. Один мальчик сжег разные полотенца там, так стал немым. В [лесу] Куасике ели [проводили общественную трапезу]» (Широбокова Домна Митрофановна, 1908 г. р.).

Деревня Бередь. «В[д.] Бередь, помню, молились под елью Вöсьськон кыз. Та ель была очень большой. В детстве я там была, и мне что-то давали ложкой пробовать, что-то сладкое. Моление проводили под открытым небом на небольшом возвышенном месте (*лэг вылын*). Туда и поп приезжал, с иконой и с кадилом стоял. Эта ель стояла на перекрестке трех дорог из [дд.] Гушино, [с.] Шаркана и [бывш. д.] Выльви, располагалась между [дд.] Сильшур, Бередь и Старое Ягино. Ель ту потом срубили. Тот человек, который рубил ее, помер еще молодым. Тут проводили Гырон потон, бросались яйцами. Проводили моления, если не было дождя» (Старшева Лидия Михайловна, 1926 г. р.).

В **Бадярово** (удм. *Бадяро*) в центре деревни стояла часовня. На том месте потом поставили клуб. На часовне был колокол (*гырлы*). Часть жителей из [д.] Бадярово выселились в [д.] Порозово.

Слышал, старики ходили в лес, молили гуся. И жеребенка резали перед елью, дождя просили» (Лопатин Георгий Иванович, 1932 г. р.). В прежние времена в поле существовало место общественных жертвоприношений Тёпы-вось возле лога Курокнюк [*курок* ‘разбойник’, *нюк* ‘овраг’]. Оно было избрано ворожеей Уля около 1812 г. из-за непрекращающихся дождей. Здесь следовало принести жертвы под тремя елями трем божествам: *Му-Кылчину*, *Инмару* и *Гудыри-мумы*. Название дано якобы по имени другого ворожее Тёпи [скорее всего, по имени жреца] [Верещагин 1998, 23–24].

Деревня Богданово (удм. *Богдан*, *Бугдан*, ныне Шарканского р-н). «В Богданово на возвышении стояла широкая разлапистая ель. Называлась ель Гуждор кыз [*Гуждор* ‘весенний праздник первой проталинки’, *кыз* ‘ель’]. Там проводили Бусы вось (полевое моление). [У ели] провожали в армию (*Бусы вось отын ортчито вал. Армие келяло вал*). Туда уносили яичные блины (*чужмилыым* ‘яичные блины’). В другое время такие блины не пекли, только для молений, для свадьбы и других важных событий, а так – нет. Пастухи (тат. *кутычи*) [УРС 2008: 362] срубили эту ель. Поэтому, наверное, и деревня исчезла. В деревне было около 60 дворов» (Романова Мария Петровна, 1927 г. р.).

Было место моления Будослы вёсьяскон инты (‘место молений о растительности’). «Церковь была в [с.] Сюрсовае. Чтобы колокол свалить [с церкви], всех нас, детей, тоже собрали (мы как мыши), а мамы верующие. Мы тоже думали про себя, чтобы колокол не упал, и тянули за веревку. Поэтому долго не могли снять колокол, только потом сняли» (Романова Мария Петровна, 1927 г. р.).

«При переходе из старой избы в новую избу надо перенести земли – так *Коркакүзэ* [хозяин дома] перейдет в новый дом (*Вуж коркась виль коркае потыку, сюйзэ поттоно – Коркакүзэ поттоно*)» (Романова Мария Петровна, 1927 г. р.).

Божества. Поверья. Предания. Приметы

Про хозяина ветра *Тёлтери* в виде вороного коня. «Мой дед как-то пас колхозных овец. Когда он сидел, поднявшийся ветер *Тёлтери* приподнял его, а палка его [дедушки] так и осталась, лежала на земле. А вокруг него черный (вороной) конь кружит (*Котыртүиз, пе, сьёд вал ворттылэ*). Потом деда отпустило» (Меньшикова Валентина Никитична, 1926 г. р.).

«*Вумурта* [водяной], *Мунчомурта* [банщик, дух бани] не надо было забывать, делать *сябась* (‘за здоровье’) [т. е. провозгласить тост за здоровье]. *Вумуртам* молились, чтоб плотину на пруду не сорвали. Они непокорные, своенравные. До 17 мая нельзя было открыть окна. Тогда пробуждались русалки, они приносили неприятности для дома. Мельник русский говорил, что они и Христу не покорились» (Вахрушева Клавдия Даниловна, 1912–1914 г. р.).

«Я и сейчас делаю *сябась Мунчокузэ*, когда *кумышку* варю. Когда в Великий четверг парюсь в бане, веник ставлю перед печью и отсылаю от себя болезни (*веник аяз гинэ пуктійсько, келясько висёнъёсме*). Когда *кумышку* варим, говорим *Мынчомурту*: “На твоём месте *кумышку* варим, не сердись, помогай, чтоб удачно могли сварить (*Местаад кумышка посьтійськомы, вождэ эн вай, юрттылы, чеберэн-умоен посьтыны мед быгатом*)”. При этом желательно упоминать и [лесного дедушку] *Нюлэсбубу*, так как он, когда варишь *кумышку*, подходит близко к бане. После мытья в бане я оставляю воды в тазике немного: “Мойся!”, – говорю *Мынчомурту*. Когда моюсь, говорю: “Очищай, вода-матушка!”» (Вахрушева Клавдия Даниловна, 1912–1914 г. р.).

«Однажды пошли за брусничкой (*ягмульыан*). То ли *Нюлэсбуба*, то ли *Палэсурдэс* [половинный] кричать начал. Нас было около тридцати человек. Рядом Бадзымшур (‘большая река’), ее еще *ош* (‘бычок’) называли [р. Большой Иж в Якшур-Бодьинском р-не]. По ней сплавляли бревна, дрова. Пошли к берегу реки, собрали бревна. Разожгли костер большой из толстых бревен. А крики слышны все ближе и ближе, от криков лес дрожит, земля дрожит. Обустроили место моления, очертили круг топором, *сябась* сделали, помолились, соли бросили в костер. И к нам близко никто не подошел, крики стихли. Но притча [беда, несчастье] случилась. Это не к добру такое слышится. Ночью уже спали, услышали выстрел. Двое рыжих у нас было. Один рыжий-рыжий, называли его Ситянбам, у него все мясо снесло, а кости целые остались, не повредились. Причина следующая оказалась. В большом кряже патрон застрял еще со времен гражданской войны, он нагрелся на костре и взорвался. Осколок оказался в лице этого парня. В кряже потом еще одну пулю нашли» (Вахрушева Клавдия Даниловна, 1912–1914 г. р.).

«Был Фома-охотник из [д.] Шляпино. Он понимал [знал заветные слова], его просили сходить помолиться *Нюлэсмурту*» (Старцев Кирилл Васильевич, 1926 г. р.).

Обряд Мунё ватон (‘захоронение куклы’) проводили. «У жителей бывшей деревни Гучин [первоначальное наименование с. Ляльшур] был такой обычай Мунё ватон. Кто сильно заболевает – изготавливают куклу (*мунё*), ее всячески заговаривают (*пеллято*). Потом ее зарывали в землю. Считалось,

когда кукла сгнивала – человек выздоравливал. Говорили, с этой куклой болезнь уходит. Зарывали куклу в лесу, который назывался Мунё ватон. Там же место Ёж вöсян [место моления с овцой], где жертвовали овцу. Все это проводил *вöсяськись* [жрец] – самый умный, мудрый старик. Куклу (*мунё*) изготавливали из трех волос /шерсти, трех тряпиц, трех кусочков угля. Может быть, брали что-то из одежды. У *Инмара* число три, у *Инмара* слова три (*Инмарлэн числоз куинь, Инмарлэн кылыз куинь*). Мой дед мог заговаривать. Он тоже всегда использовал число три. Он заговаривал скотину, когда у коровы вымя опухало, когда у нас ноготь нарывал. Он много использовал в своей практике уголь. Мол, чтоб, как этот уголь, пусть усохнет болезнь, и болезнь уходила. Я это хорошо помню, дед меня часто просил достать ему угля» (Куклина Евгения Михайловна, 1937 г. р.).

«Про [обряд] Мунё ватон хорошо знала Пьянкова Мария Кирилловна, она из [д.] Тыловыла, она врачеванием /знахарством занималась. Куклу (*мунё*) делали из тряпок, что-то еще внутрь клали, чтоб стояла. Из сосны основу, из сосны же руки. Мы и сами иногда делали куклу поиграть. Эту куклу знахарка-пелляськись [букв. нашептывающая /наговаривающая] “заговаривала” [букв. исправляла, восстанавливала] (*пелляськись тупатэ вал*). Провожать эту куклу я не ходила, поэтому не знаю – куда. Но против солнца, против течения реки ничего не делали, только по ходу солнца, по течению реки (*пумит номыре уг лэсьто, нялтас лэсьто*)» (Вахрушева Клавдия Даниловна, удмуртка, 1912–1914 г. р.). «В обряде Мунё ватон не участвовала, но слышала, что делали» (Хренова Парасковья Алексеевна, 1911 г. р.).

«Знающие кое-что складывали у истока родника (*Син оймесэ но маке-маке лэсьтыса тыро тодйсьёс*)» (Вахрушева Клавдия Даниловна, удмуртка, 1912–1914 г. р.). «Рассказывал мой зять старшей сестры (*кырсие*), что около леса Мунё ватон была старая деревня (Вужгурт или Гучин). Там, мол, золото зарыли. Чтоб его найти, слово надо знать» (Старцев Кирилл Васильевич, 1926 г. р.). «Охотники сами собой ходили молиться, не говорили другим об этом, умалчивали» (Быстрова Анна Константиновна, 1918 г. р.). «Однажды вымя у коровы ни с того, ни с сего опухло. Я работала дояркой, а знакомый кочегаром работал. Посоветовал взять уголь из сухой бани, точило и обводить кругом вымя, слегка задевая, приговаривать при этом: “*Эмъясько-юмъясько, сэрттйсько-пертчисько, куасьтйсько* (излечиваю-исцеляю, распутываю-развязываю, высушиваю)”» (Старцева Мария Андреевна, 1924 г. р.). «Чтоб пчелы водились, свечу ставили, но я не знала этого раньше» (Широбокова Домна Митрофановна, 1908 г. р.). «Чтобы пчелы хорошо давали мед, я приглашал старика из [д.] Мувыра. Он слово знал. Утку зарезали для этого с ним в лесу. Чтобы скотина удавалась, резали овцу со стариком одним. От сглаза бабушек приглашали, они знали толк в этом, сразу становилось легче» (Старцев Кирилл Васильевич, 1926 г. р.).

Сглаз. «От сглаза, если ребенок сильно плачет, надо помыть четыре угла стола и этой водой умыть ребенка со словами: “От сглаза излечиваю. Тыфу- тыфу, пусть будет хорошо (*Син усемлэсь пеллясько. Тыфу, тыфу, умой медло*)”» (Вахрушева Надежда Федосимовна, 1913 г. р.). «От сглаза лечили (*пеллясько вал*), у нас в роду одна женщина занималась этим. Язык огня знали» (Хренова Парасковья Алексеевна, 1911 г. р.). «От сглаза ополаскивали икону и поили ребенка. Либо соберут паутину (*чонари ботос*), сожгут ее и окуривают ребенка дымом. При этом про себя какие-то слова говорят» (Бусыгина Зинаида Александровна, 1914 г. р.).

Колдуны. «Меня заколдовала одна женщина. Она дала мне *кумышки*. Я выпила одну рюмку, что-то внутри меня как будто появилось. Вторую выпила, все вокруг стало зеленым» (Старцева Мария Андреевна, 1924 г. р.). «Колдуны есть, и сейчас есть. Они и меня заколдовали. Возил я на ферму сено. Я был молодой, она [колдунья] захотела меня к себе приворожить, так у меня ноги распухли, не мог уже ходить. Ходил к знахарке, та сразу поняла, что меня сглазили: “О, тебя околдовали (*О, тонэ вегназы*)”. Погладила меня, слово сказала – все прошло. Слово знали огня, слово знали крови» (Старцев Кирилл Васильевич, 1926 г. р.). «В старину очень занимались колдовством. Например, воткнул нож в притолоку двери (*ёс йыразе*), и если в доме колдун, он выйти не может. Перед этим должен выйти нормальный человек, тогда за ними и колдун пройдет» (Хренова Парасковья Алексеевна, 1911 г. р.).

Интересные высказывания. «*Притча пыд улын. Маке луоно ке – нокытчы уд кожы. Пинальёслэн гогызы отчы кылыз ини. Отчы дышизы. Соосты уд но пöя, уд но эрекчани* (Несчастье /беда под ногами. Что должно случиться – никуда не свернешь, т. е. не избежишь. Пуповина детей там осталась, т. е. дети привязаны к этому месту. Туда привыкли. Их уж не обманешь, не обхитришь)» (Перевозчикова Парасковья Емельяновна, около 73–74 лет).

Лечение. «Если ребенок плачет, большой пупик, грыжа значит. Надо медную монету (*ыргон*) взять, поскоблить ее ножом. Руки не мочить только. И этот порошок добавить в грудное молоко – не будет грыжи» (Вахрушева Надежда Федосимовна, 1913 г. р.).

Заключение

Выявлено, что население Сосновской округи составляли северноудмуртские родовые группы: преимущественно род Пурга, отчасти – Вортча, Бöня и Кушъя. Эти данные подкрепляются распространёнными преданиями о богатыре Идне [Верещагин 1995, 107–111]. Прослежено проникновение в эти края и южноудмуртских родов Дöкъя и Пудга. На это обстоятельство указывают: существование священных мест для почитания хозяина священной роши Луда – Вылын-луд и Луд-кенер, некоторые наименования водных источников – родник Керемет-ошмес и р. Кереметка, поклонение божеству Акташу в д. Малый Казес [Верещагин 1995, 47–49; 1998, 36]. Помимо этого, сохранились предания о переселении сюда с юга богатыря Ожмега [Верещагин 1995, 107–108].

В конце XX – начале XXI в. полноценная информация о дохристианских культовых местах, семейных и календарных обрядах среди шарканских удмуртов во многом оказалась утерянной. Из календарных ритуалов сохранились данные о проведении праздников Гуждор, Гырон быдтон, общинных молений на полях Бусы вöсь. Нередко полевые моления совершались под руководством священников. Влияние православия сказывалось в том, что нередко на капищах молились перед иконами, в ряде деревень (Куреггурт, Быстров, Бадярово) были устроены часовни. В д. Тыловыл православный молебен устраивали перед импровизированным столиком. Возможно, почитание священного родника в с. Сюрсовой включало и христианские элементы.

В этом ареале существовали частные семейные святилища *куа* и общедеревенские Великие (*Будзьым*) *куа*. На определенных местах перед елью Вöсьяскон кыз совершались моления лесному *Нюлэсмурту*. Крупные общинные моления проводились в с. Ляльшур (Чуньы сион инты, Ыж вöсья сик), с. Сюрсовой – около почитаемого родника, д. Бадярово (капище Тёпы-вöсь), д. Богданово (Будослы вöсьяскон инты). До середины XX в. в окрестностях д. Тыловыл и исчезнувшей д. Старый Шаркан функционировало территориальное общественное капище Зозо.

В этих краях обращались с молитвами к божеству плодородия *Кылчину*, богу неба, главному божеству *Инмару*, семейно-родовому покровителю *Вориуду*, матери грома *Гудыри-мумы*. Среди шарканских удмуртов распространено почитание хозяина леса *Нюлэсмурта*, водяного *Вумурта*, хозяина ветра *Тёллери* и других духов.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

- Атаманов М. Г. По следам удмуртских воршудов. Ижевск: Удмуртия, 2001. 216 с.
- АТДВГ 2012 – Административно-территориальное деление Вятской губернии – Кировской области. 1917–2009 гг. Киров: Изд-во «Экспресс», 2012. 744 с.
- Верещагин Г. Е. Вотяки Сосновского края // Записки РГО. СПб., 1886. Т. 14. Вып. 2.
- Верещагин Г. Е. Собр. соч. в 6 т. Т. 1: Вотяки Сосновского края / Под ред. В. М. Ванюшева. Ижевск: УИИЯЛ, 1995. 258 с.
- Верещагин Г. Е. Собр. соч.: В 6 т. Т. 3: Этнографические очерки. Кн. 1. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998.
- Вятская епархия. Историко-географическое и статистическое описание / Сост. Н. В. Кибардин, В. И. Шабалин. Вятка, 1912. 669 с.
- Материалы по статистике Вятской губернии. Вятка, 1892. Т. 7: Сарапульский уезд. Ч. 2: Подворная опись.
- Пислегин Н. В., Чураков В. С. Населенные пункты Удмуртского Прикамья XVII – середины XIX в. / УдмФИЦ УрО РАН. Ижевск, 2020. 784 с.
- Пислегина Л. Керемет в селе Шаркан. Остаточные явления языческой религии в Шарканском районе // История Шарканского района в ученических исследованиях / авт.-сос. Т. А. Ложкина. Ижевск: КнигоГрад, 2010. С. 61–81.
- Православные храмы Удмуртии: Справочник – указатель по документам Центрального государственного архива Удмуртской Республики / Сост. И. Н. Зайцева, Г. И. Самарцева. Ижевск: Удмуртия, 2000. 480 с.
- Семакин А. Н. Северо-восточная часть Вотской области (Впечатления, полученные от поездки в маляринском отряде летом 1927 г.) // Труды НОИВК / Под ред. Ф. Стрельцова. 1928. Вып. 5. С. 43–58.
- УРС 2008 – Удмуртско-русский словарь = Удмурт-зуч кыллюкам / Отв. ред. Л.Е. Кириллова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2008. 925 с.
- Ушницкий В. В. Средневековые народы Центральной Азии (вопросы происхождения и этнической истории тюрко-монгольских племен). Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. 116 с.
- Шутова Н. И. Отчет об археолого-этнографической экспедиции в Шарканский район Удмуртской Республики в 2001 г. РФ НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. Оп. 2Н. Д. 1295. 25 л. + фото
- Шутова Н. И. Отчет по экспедиции в Шарканский и Дебесский районы Удмуртской Республики летом 1993 г. РФ НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. Оп. 2Н. Д. 1122. 33 л. + фото

Шутова Н. И. Удмурты XVI – первой половины XIX в.: По данным могильников. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1992. 264 с.

Поступила в редакцию 02.03.2022

Шутова Надежда Ивановна,
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник,
Удмуртский институт истории, языка и литературы, УдмФИЦ УрО РАН,
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4,
E-mail: nad_shutova@mail.ru

N. I. Shutova

RITES AND BELIEFS OF SHARKAN UDMURTS IN THE LOCALITY OF SOSNOVKHA

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-2-283-294

The article is devoted to the description of the traditional rites and beliefs of the Sharkan Udmurts in the Sosnovkha locality. It is based on the materials of the ethnographic expeditions conducted in 1993 and 2001 in the Sharkan district of the Udmurt Republic at the watershed of the Cheptsá and Kama river basins. The work contains the information on the demographic indicators, settlement area, and dialect terms used by this local Udmurt group. The author gives the characteristic of the cult places, family and calendar rites of the following settlements: Lyalshur, Sosnovkha, Tylovyl, Kuregurt, Suronovo, Bygi, and others. The ancient public centers of the locality were the villages of Lyalshur and Old Sharkan (Lonlez Dokya). The large territorial shrine of Dzozo was situated in the surrounding of these villages. Traditional collective prayers were regularly performed in the vicinity of a dozen villages in the Sosnovkha area. There foals and sheep were sacrificed. It was revealed that the population of this area was predominantly the Northern Udmurt tribal groups Purga, Vortcha, Bonya and Kushya. The South Udmurt clans of Dokya and Pudga are also traced in the region.

Keywords: Sharkan Udmurts, Sosnovkha locality, Sharkan district, ritual, beliefs, shrine.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2022, vol. 16, issue 2. P. 283–294. In Russian.

REFERENCES

- Atamanov M. G.** Po sledam udmurtskikh vorshudov [According to the Udmurt Vorshud Footprints]. Izhevsk, 2001, 216 p. In Russian.
- ATDVG – Administrativno-territorial'noe delenie Vyatskoi gubernii. 1905 god: spravochnik [Administrative and Territorial Division of the Vyatka Province. 1905: a Guide]. Kirov, Publ. house «Ekspress», 2012. 744 p. In Russian.
- Materialy po statistike Viatskoi gubernii [Materials on the Statistics of the Vyatka Province]. Viatka, 1892. Vol. 7: Sarapul'skii uезд. Part 2: Podvornaia opis'. In Russian.
- Pislegin N. V., Churakov V. S.** Naseленные пункты Удмуртского Прикам'я XVII – середины XIX в. [Settlements of the Udmurt Kama River Region from the 17th up to the mid-19th Centuries]. UdmFITs UrO RAN. Izhevsk, 2020. 784 p. In Russian.
- Pislegina L.** Keremet v sele Sharkan. Ostatochnye iavleniia iazycheskoi religii v Sharkanskom raione [Keremet in the Village of Sharkan. Relic / Remnant Phenomena of the Pagan Religion in the Sharkan District]. Istoriia Sharkanskogo raiona v uchenicheskikh issledovaniakh [The History of the Sharkan District in Student Research] / edited by T. A. Lozhkina. Izhevsk: KnigoGrad, 2010. P. 61–81. In Russian.
- Pravoslavnye hramy Udmurtii: Spravochnik ukazatel' po dokumentam Central'nogo gosudarstvennogo arhiva Udmurtskoj Respubliki [Orthodox Churches of Udmurtia: Directory Index on Documents of the Central State Archive of the Udmurt Republic] / Sost. I. N. Zajceva, G. I. Samarceva. Izhevsk: Udmurtiya, 2000. 480 p. In Russian.
- Semakin A. N.** Severo-vostochnaia chast' Votskoi oblasti (Vpechatleniia, poluchennye ot poezdki v maliariinom otriade letom 1927 g.) [North-Eastern Part of the Votskaya Oblast (Impressions from a Trip with a Malaria Detachment in the Summer of 1927)]. Trudy NOIVK [Proceedings of NOIVK] / Edited by F. Strel'tsov. 1928. Issue 5. P. 43–58. In Russian.
- Shutova N. I.** Materialy fol'klorno-ethnograficheskoi ehkspeditsii v Sharkanskij raion Udmurtskoj Respubliki v 2001 g. [Materials of the Folklore-Ethnographic Expedition to the Sharkan District of the Udmurt Republic in the 2001]. Handwritten Fund of the Research Archive of the Udmurt Institute of History, Language and Literature, UdmFRC UB RAS. Op. 2N. D. 1295. 25 l. + foto. In Russian.
- Shutova N. I.** Materialy fol'klorno-ethnograficheskoi ehkspeditsii v Sharkanskij i Debesskii raiony Udmurtskoj Respubliki v 1993 g. [Materials of the Folklore-Ethnographic Expedition to the Sharkan and Debessy Districts of the

Udmurt Republic in the 1993]. Handwritten Fund of the Research Archive of the Udmurt Institute of History, Language and Literature, UdmFRC UB RAS. Op. 2N. D. 1122. 34 l. + foto. In Russian.

Shutova N. I. Udmurty XVI – pervoy poloviny XIX v.: Po dannym mogil'nikov [The Udmurts during the 16th – first half of the 19th Centuries: According to the Data on Burial Grounds]. Izhevsk, Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch Russian Academy of Science Publ., 1992, 264 p. In Russian.

URS 2008 – Udmurtsko-russkii slovar' = Udmurt-zuch kylliukam [Udmurt-Russian Dictionary] / edited by L.E. Kirillova. Izhevsk: UIIIaL UrO RAN, 2008. 925 p. In Udmurt & Russian.

Ushnitskii V. V. Srednevekovye narody Tsentral'noi Azii (voprosy proiskhozhdeniia i etnicheskoi istorii tiurko-mongol'skikh plemen) [Medieval Peoples of Central Asia (Questions of the Origin and Ethnic History of the Turkic-Mongolian Tribes)]. Kazan': Izd-vo "Fen" of AN RT, 2009. 116 p. In Russian.

Vereshchagin G. E. Sobr. soch. v 6 t. T. 3. Etnograficheskie ocherki. Kn. 1. [Collected Works in 6 vol. Vol. 3. Ethnographic Essays. Book 1]. Izhevsk, 1998. In Russian.

Vereshchagin G. E. Votyaki Sosnovskogo kraia [Votyaks <Udmurts> of Sosnovkha Area]. Zapiski RGO [Notes of the Russian Geographical Society]. St. Petersburg, 1886. Vol. 14. Issue 2. In Russian.

Vereshchagin, G.E. 1995. Sobranie sochinenii. T. 1: Votyaki Sosnovskogo kraia [Collected Works. In 6 vol. Vol. 1. Votyaks <Udmurts> of Sosnovkha Area]. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN. In Russian.

Vyatskaya eparkhiya. Istoriko-geograficheskoe i statisticheskoe opisaniie [Vyatka Diocese. Historical, Geographical and Statistical Description] / Sost. N.V. Kibardin, V. I. Shabalin. Vyatka, 1912. 669 p. In Russian.

Received 02.03.2022

Shutova Nadezhda Ivanovna,
Doctor of Historical Sciences, Leading Research Associate,
Udmurt Institute of History, Language and Literature,
Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch, Russian Academy of Sciences
4, Lomonosova st., Izhevsk, 426004, Russian Federation,
E-mail: nad_shutova@mail.ru